

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

УДК 911.3

В. Л. Мартынов

«ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ РОССИИ»: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МАКРОРЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Проблема неравномерности пространственного развития России — одна из основных проблем российской социально-экономической географии. Неравномерность рассматривается чаще всего по субъектам Федерации, но есть смысл изучить её на уровне макрорегионов. Предлагается выделить четыре макрорегиона — Север, Восток, Юг и Запад. Развитие каждого макрорегиона определяется разными условиями и факторами. Освоение Севера бессмысленно с экономической точки зрения, но оправданно с политической. Движение на Восток оправданно, главным образом, с экономической точки зрения. Юг России является частью более крупного макрорегиона, сложившегося в советское время, и включающего в свой состав Закавказье и южную Украину. Для всего этого региона характерна «рурализация» экономики и образа жизни, начавшаяся ещё в последние советские десятилетия. Развитие Запада определяется, главным образом, сложившейся на протяжении столетий социальной инфраструктурой. Это развитие происходит под воздействием Москвы, сохраняющей статус фактической «столицы» всего постсоветского пространства. «Системные» факторы и условия социально-экономического развития осложняются действием «антисистемных» факторов, действие которых изучено недостаточно. «Антисистемность» связана с действиями криминальных структур, значение которых в развитии страны нельзя недооценивать.

Ключевые слова: социально-экономическая география, мегарегионы, пространственные приоритеты, межрегиональная конкуренция, взаимодействие регионов.

Введение

Одной из основных проблем, обсуждаемых в общественной (социально-экономической) географии, региональной экономике и других «региональных» науках, стала проблема неравномерности пространственного развития России (см., например [3]). При этом зачастую складывается впечатление, что эта неравномерность сформировалась только за постсоветское время, а до 1991 г. ничего подобного не существовало. На самом деле это не так, просто в советское время ни о каких «региональных различиях» жизни людей в открытой печати писать было нельзя. Но на «бытовом» уровне было очень хорошо известно, что уровень жизни в Москве, Ленинграде, Риге существенно отличается от, например, Пскова, Кургана, Иркутска (примеры условны). В постсоветское время это «обыденное знание» было просто «положено на бумагу», став объектом как многочисленных научных исследований, так и публицисти-

ческих спекуляций. Но при этом в подавляющем большинстве случаев упускались из виду фундаментальные закономерности пространственного развития нынешней России, которые собственно и определяют расхождения в уровне развития регионов.

Название данной статьи «перекликается» с названием публикации, вышедшей в журнале «География» двенадцать лет назад — в 2006 г. [8]. В то время этот журнал, ныне влачащий жалкое существование, был одним из основных географических изданий России, поднимающий вопросы и проблемы, на рассмотрение которых другие географические издания не отваживались. В той статье были определены пределы «четырёх сторон России» такими, какими их воспринимает автор статьи: Север — «арктический фасад России», широтная полоса субъектов Федерации, протягивающаяся вдоль побережья морей Северного Ледовитого океана, а также северных морей Тихого океана, Юг — южная часть Европейской России, включающая в свой состав Северный Кавказ, Нижнее Придонье и Нижнее Поволжье, Восток — широтная полоса субъектов Федерации, протягивающаяся вдоль железных дорог, соединяющих Европейскую Россию с Дальним Востоком (юг Урала, Сибири и Дальнего Востока), и Запад — часть Европейской России между Севером и Югом, включающая в свой состав территории от западной границы государства до Урала.

Такое мега-районирование, конечно, весьма условно и имеет массу недостатков. Но в прикладных целях оно вполне может использоваться с учётом того, что деление России на экономические районы советского времени, как бы они не были «милы сердцу» экономико-географов, сильно устарело, а деление страны на федеральные округа не имеет под собой никакого основания — ни экономического, ни политического, ни природного, и определяется исключительно указами президента.

Основная часть

Перед тем, как переходить к рассмотрению основных проблем развития этих «макрорегионов», хотелось бы более подробно определить основные подходы к пространственному развитию современной России.

Наиболее широко распространённый подход к изучению проблем пространственного развития — экономический. Этот подход часто используется совершенно бездумно. Тот простой факт, что экономическая география — всё же география, а не экономика, чаще всего просто игнорируется.

Основа экономического подхода к изучению проблем пространственного развития — существование неких универсальных закономерностей, мер и методов, которые дают одинаковый результат в любом месте обитаемой суши.

Основа географического подхода — изучение каждой части геопространства как уникального явления, с последующей систематизацией, анализом и обнаружением черт сходства и различия. Это, конечно же, не исключает использования экономических показателей.

Экономический подход основан на идее конкуренции между странами, регионами, городами и людьми (см., например, [9]). Конкурентоспособные страны, регионы, люди движутся вперёд, неконкурентоспособные — отстают или деградируют. Конкуренция представляет собой основу классической капиталистической экономики, которая построена на получении прибыли. Но эта идея плохо применима в отношении между странами и совершенно неприменима, если мы рассматриваем регионы

— части одного государства. «Межрегиональная конкуренция» — это абсолютная глупость, о которой следует забыть чем быстрее, тем лучше. С тем же успехом можно говорить о конкуренции между руками, ногами и головой у человека. Каждая часть географического пространства значима для остальных его частей, одна без других просто не может существовать.

Если обозначить ситуацию очень грубо, то экономический подход — «идеология чистогана». Исходя из этого подхода, экономика самодостаточна, экономический рост первостепенен, всё остальное не имеет значения. При этом, по мнению адептов такого подхода, любые меры, которые обеспечивают формальный рост экономических показателей, являются оправданными только этим. Человек и удовлетворение его потребностей в «экономоцентричных» конструкциях общественного, в т. ч. и пространственного развития, отсутствует. В силу неясных причин сторонники такого подхода именуют себя «либералами», хотя изначально идеология либерализма — это идеология свободы, в которой именно человек представляет собой высшую ценность. Не случайно, видимо, «главный герой» российских «либералов» — чилийский диктатор Аугусто Пиночет, ценой убийства десятков тысяч людей обеспечивший «экономический рост» Чили, проявившийся в росте доходов чилийской элиты и обнищании основной массы населения. Для России «либеральных» (90-е гг. XX в.) и «неолиберальных» (10-е гг. XXI в.) времён характерны сходные тенденции развития, за исключением массовых репрессий, характерных для режима Пиночета.

Каждый регион любого государства имеет свою историю. То, что государства и народы возникают, достигают расцвета, а затем исчезают с карты мира, общеизвестно. Но то же самое относится и к регионам каждого государства. Есть регионы «старые», на которых когда-то держалась страна, и без которых этой страны сейчас просто не существовало, но нынешнее их значение крайне невелико. Есть молодые, на которых страна держится сейчас — эти регионы обеспечивают её «ресурсами роста» разного рода. Есть «зрелые», которые уравнивают нынешнее её состояние между «старыми» и «молодыми», сочетая в себе черты тех и других. Политические, экономические, социальные процессы в разных регионах также идут с разной скоростью. Но все они — лишь часть единого целого, и отношения между ними могут быть лишь отношениями взаимодействия, а никак не конкуренции.

Сейчас для России очень характерно противопоставление «богатых» регионов, которые часто совершенно не желают делиться своими «богатствами», и «бедных», которые в существующих условиях никак не могут «заработать на жизнь». Но очень важно понимание того, что пространственное развитие страны не ограничивается лишь развитием экономическим. «Разделение функций» может иметь и действительно имеет как пространственный, так и временной характер. И значение региона для страны может определяться и действительно определяется не только экономикой, но и историей, и культурой, и состоянием природной среды. Значение Новгородчины и Псковщины для современной российской экономики крайне невелико. Но без них просто не было бы ни российского государства, ни русского народа. Именно на современные новгородские и псковские земли полторы тысячи лет назад пришли первые славянские племена, здесь возникли первые русские города и само Русское государство. Озеро Байкал имеет очень небольшое экономическое значение — судоходство по нему сейчас осуществляется почти только туристское, рыболовство имеет сугубо местный характер, и даже туризм очень локален. Но значение Байкала для России как природного объекта трудно переоценить.

Географический подход опирается на идею «совместного развития» различных частей географического пространства. Все части геопространства, исходя из этого подхода, равноценны и равнозначны. Они просто разные, и могут существовать только вместе. Это подход, на котором основывается физическая география. Никто же не возьмётся говорить о «конкуренции» между континентами и океанами, горами и равнинами, тундрой и тайгой, болотами и пустынями, пойменными лугами и водораздельными равнинами. Географическая оболочка Земли состоит из взаимодействующих и взаимосвязанных между собой природных комплексов — геосистем. Естественно, что эти комплексы сформировались в разное время, имеют принципиально различную структуру и условия развития. Но они не являются и не могут являться соперниками. То же самое относится и к географическим системам, имеющим антропогенное происхождение.

Экономический подход наибольшее распространение получил в индустриальную эпоху. Ресурсы для экономики были первичны, люди вторичны. В это время индивидуум и его потребности в качестве ценностных ориентиров не рассматривались вообще. Люди были лишь «ресурсами рабочей силы», затем этот термин был заменён более «изящным» — «человеческие ресурсы». В военном деле аналогичный по значению термин «мобилизационные ресурсы» сохраняется по сей день. Целью развития полагались рост богатства и усиление могущества государства, затем дополненные развитием корпораций («То, что хорошо для Дженерал Моторс, хорошо и для Америки»).

Основой жизни человека и общества действительно была экономика. Недостаток ресурсов, ощущавшийся до конца индустриальной эпохи (в развитой части мира — конец 60-х — начало 70-х гг. XX в.), естественным путём приводил к конкуренции за эти ресурсы, девизом которой можно считать «Победитель получает всё». Потребности подстраивались под ресурсы. Если ресурсов не хватало, потребности сокращались. Если нужно было ускорить развитие одних направлений деятельности, то это можно было осуществить только за счёт других. Таким образом была осуществлена, например, индустриализация СССР в годы первых пятилеток. Феноменально высокие темпы развития тяжёлой промышленности обеспечивались за счёт изъятия ресурсов в потребительских отраслях экономики, в первую очередь — в сельском хозяйстве. «Голодомор», приведший к гибели миллионов людей в РСФСР, Казахстане, Украине, определялся насильственным изъятием сельскохозяйственной продукции у крестьян — изъятый хлеб расплачивались с капиталистическими странами за предприятия, построенные ими в СССР.

Большей части населения нужны были одни и те же виды ресурсов, которых не хватало. Зависимость от природных ресурсов и условий была прямой и непосредственной для каждого человека, и ощущалась она всеми. Недостаток ресурсов грозил физической смертью или по крайней мере резким ухудшением материального положения. Эта ситуация хорошо описывается поговоркой «или пан, или пропал». Середины не существовало.

Это привело к появлению теорий общественного, в т. ч. пространственного развития, основанной на «бинарной» парадигме. Самая известная из таких теорий — «центр — периферия» (модификация идеи «героя и толпы» для целей регионального развития), объявленной «универсальным» подходом, пригодным для исследования любых пространственных общностей. До начала «пост-индустриализации» это дей-

ствительно было так. В условиях, когда экономика диктовала все условия жизни общества, а политика, общественная жизнь, демография были лишь её продолжением, «центр-периферийные» отношения были в сущности единственно возможными.

Переход к постиндустриальному обществу произошёл вследствие скачкообразного роста ресурсов, которыми располагает человечество. Этому росту цивилизация была обязана развитию ряда отраслей, относящихся, главным образом, к химической промышленности и позволившему решить четыре задачи, до этого казавшиеся неразрешимыми: накормить, одеть, обеспечить жильём и лекарствами всё население развитой части мира. «Накормить» за счёт «зелёной революции» и новых технологий в пищевой промышленности, «одеть» с применением искусственных и синтетических материалов, «обеспечить жильём» с помощью широкого внедрения в строительство новых материалов и технологий, «обеспечить лекарствами» с помощью скачкообразного развития химико-фармацевтических производств. Появляется возможность формировать новые ресурсы и материалы, не встречавшиеся до этого. Ресурсы подстраиваются под потребности, новое состояние общества хорошо характеризуется поговоркой «всем сёстрам по серьгам».

Значение экономики для развития общества снижается, поскольку люди получают возможность заниматься в сущности чем угодно. Угроза голодной смерти в развитой части мира исчезает, в развивающейся — значительно сокращается, хотя до её окончательного исчезновения ещё очень далеко. Это приводит к возникновению моделей «новой экономической географии», где «центр — периферия» — это лишь один из возможных видов пространственных отношений, разнообразие которых возрастает многократно. Меняется парадигма регионального развития на Западе: в Евросоюзе модель «ареалов роста» сменяется моделью «сплочённости» (cohesion policy) [11]. Одной из главных причин этого следует считать «унификацию» образа жизни городского населения, составляющего большинство населения любой развитой страны, вне зависимости от численности населения города. В небольших же странах перестаёт различаться не только жизнь в разных по численности городах, что было характерно для этих стран до 50–60-х гг. XX в., но и образ жизни городского и сельского населения.

При этом зависимость общества и каждого человека от природных ресурсов возрастает — синтезировать новые ресурсы можно лишь с использованием уже существующих. Рост потребностей общества приводит к нарастанию числа и объёма потребляемых природных ресурсов, и чем разнообразнее становятся потребности, тем больше ресурсов на их удовлетворения должно извлекаться из географической оболочки. Но зависимость общества от природных ресурсов и условий становится косвенной, и перестаёт осознаваться большей частью населения развитой части мира. «Искусственная среда», в которой протекает жизнь большей части населения стран «золотого миллиарда», по сути «упразднила» географию. Можно даже сказать, правда, сильно утрируя, что единственным географическим знанием, востребованность которого остаётся высокой, является прогноз погоды.

Иногда высказывается мнение о том, что три четверти населения и три четверти регионов России неконкурентоспособны в условиях мировой экономики. Можно привести ещё более вопиющий факт: почти всё население России, как и любой другой страны мира, неконкурентоспособно на Олимпийских играх. Но если второй факт ни у кого не вызывает даже тени удивления, то первый почему-то пугает.

Однако спорт, как и экономика, представляет собой лишь одно из возможных направлений деятельности человека «постиндустриального общества». В нынешних условиях каждый человек в развитой части мира имеет максимально возможную свободу выбора того, чем он хочет заниматься, за всю историю цивилизации. И выбор человека становится определяющим для общества и государства, а не наоборот, как это было ещё несколько десятилетий назад.

Выбор человеком рода деятельности имеет в том числе и пространственную составляющую [7] (рис. 1).

Рис. 1. Основные пространственные приоритеты развития общества в России

«Человека политического» занимают, в первую очередь, природные ресурсы, поскольку контроль над ними обеспечивает устойчивость и продолжительность существования государства. Деятельность «человека политического» целиком и полностью определяется интересами государства. В условиях современной России интересы «человека политического» обращены главным образом на север.

«Человеку биологическому» интересны главным образом природные условия, в которых он чувствует себя максимально комфортно. От общества и государства «человек биологический» чувствует себя вынужденно зависимым, но не более того. Приоритетное для «человека биологического» направление — юг.

«Человеку социальному» важны инфраструктура, информация и система ценностей той части общества, в которой он рассчитывает добиться успеха. «Человек социальный» крайне нуждается в оценке и поддержке его деятельности со стороны тех государственных и общественных структур, в которых он пытается реализовать свои амбиции. «Человек социальный» свои интересы обращает главным образом на запад России, который мы по привычке советских времён именуем «Центром».

«Человеку экономическому» важно экономико-географическое положение, которое позволяет добиться наибольшего материального успеха. Поскольку единственное мерило успеха в данном случае — деньги, то оценка деятельности «человека экономического» государственными или общественными структурами его занимает слабо. В нынешних условиях интересы «человека экономического» обращены главным образом на восток страны, где откуда открывается выход к Китаю и Тихому океану.

В последнее время часто можно увидеть и услышать мнение о том, что России надо отворачиваться от Европы и разворачиваться в сторону азиатских держав, особенно Китая, поскольку Россия, дескать, не европейская, а евро-азиатская держава. Здесь следует отметить три основных обстоятельства, мешающих воспринять подобное мнение всерьёз. Во-первых, исходя из современных представлений об «евразийстве», высказываемых, в частности, А. Г. Дружининым [4], оно сводится не к схеме «России — это Евразия», а скорее «Россия в Евразии». С географической точки зрения это представляется абсолютно верным. Во-вторых, русские и представители других народов, проживающих в Европейской России, категорически не склонны считать себя ни азиатами, ни даже совершенно загадочными «евроазиатами». Невзирая на то, что Европа не считала и не считает Россию своей частью, большинство жителей России полагает себя европейцами независимо от места проживания, даже на Чукотке и Камчатке. И в третьих по счёту, но не по значению — пространственное развитие России в разных направлениях определяется действием различных условий и факторов. «Развернуть» страну в принудительном порядке куда бы то ни было не получится. Такой разворот может произойти под действием каких-либо ещё незаметных сейчас процессов, но какие это процессы и как они будут действовать, определённно сказать пока что нельзя, и когда будет можно — неизвестно. На данном этапе можно определить лишь основные пространственные тенденции и проблемы развития страны.

Освоение Севера определялось и определяется, главным образом, политическими причинами. «Штурм Арктики» начался в 20–30-е гг. XX в., главным образом, из политических и военных соображений. В 50–80-е гг. те же соображения способствовали дальнейшему развитию экономики северных регионов. В 90-е гг. большая часть «Севера» просто рухнула, поскольку политическое и военное значение Арктики для России резко снизилось, а продолжать освоение Севера только из экономических соображений не имело смысла — всё, что добывалось на Севере, гораздо дешевле оказалось ввозить из-за пределов страны (фосфаты из Марокко вместо апатитов с Кольского полуострова, олово из Юго-Восточной Азии вместо олова северо-восточной Якутии, редкоземельных металлов из Восточной Азии вместо Кольского полуострова и т. д.). Сибирский лес сталкивается с ожесточённой конкуренцией со стороны продукции лесной промышленности других государств, в т. ч. экваториальных, и проигрывает в этой борьбе, что приводит к краху главного в советское время лесозэкспортного порта Сибири — Игарки.

В первые годы XXI в. ситуация существенным образом меняется. Политический и частично военный интерес к Арктике усиливается, частично возобновляется и её экономическое освоение. Поскольку движение на Север — движение «за величием», то экономика в данном случае второстепенна. «За величием» идут, не считаясь с расходами, сроками окупаемости и прочими экономическими показателями.

Для оценки экономической эффективности регионов есть смысл использовать сочетание двух показателей — доли региона в стоимости основных фондов и его

же доли в производстве ВВП России. Часто применяемый показатель объёма инвестиций в данном случае ничего не даёт, поскольку приток инвестиций может определяться, например, реализацией крупных инфраструктурных проектов. Проект реализуется, соответственно поток инвестиций сокращается. Стоимость основных фондов — это накопленные инвестиции, валовый внутренний продукт — отдача от этих инвестиций. На Севере доля региона в стоимости основных фондов в подавляющем большинстве случаев значительно превышает его же долю в ВВП страны. Так, доля Ямало-Ненецкого округа, основного газодобывающего региона России, в стоимости основных фондов составляет 5,6 %, а его же доля в производстве ВВП страны — 2,8 %. Доля Мурманской области, наиболее полифункционального и хорошо освоенного из регионов Севера, в стоимости основных фондов — 1,0 %, в производстве ВВП — 0,6 % (здесь и далее расчёт по [10]). Другими словами, в экономическом отношении освоение Севера бессмысленно. Чтобы получить оттуда рубль, надо вложить два. Но, как уже было сказано, «движение на Север» имеет политическую основу. В отношении освоения Севера продолжают господствовать подходы, свойственные индустриальному обществу («Что хорошо для Газпрома, хорошо и для России»). С политической точки зрения это абсолютно верный подход, поскольку именно ресурсы Севера дают возможность современной России сохранять своё место в ряду ведущих государств мира. Однако Север никогда не сможет стать «самоорганизующейся» структурой, его развитие можно обеспечить лишь за «внешних» источников (других регионов России либо иных государств мира).

С Востоком (юг Азиатской России) ситуация иная. В постсоветское время значение Востока существенно изменилось. В советские годы в условиях «закрытых» границ Восток развивался как индустриальный регион, специализировавшийся на производстве продукции добывающей промышленности (электроэнергетика, лесная промышленность, чёрная и цветная металлургия, добыча угля). Предприятия обрабатывающей промышленности на юге Азиатской России главным образом относились к военно-промышленному комплексу, и основным фактором их размещения именно там была отдалённость от считавшегося наиболее вероятным местом возможного военного столкновения Европейского театра военных действий (ТВД). Экономические показатели этих предприятий никакого значения не имели. 90-е гг. XX в. большая часть восточных регионов пережила очень тяжело вследствие полного распада существовавшей до этого системы транспортно-экономических связей и спроса на свою продукцию. Более благополучной ситуация была там, где в качестве «замещающей отрасли» стихийно сформировалась «трансграничная торговля».

Так, во Владивостоке крах крупных промышленных предприятий привёл к тому, что ведущей отраслью специализации экономики город стала перепродажа подержанных автомобилей, ввозимых главным образом из Японии. В эту сферу деятельности ушла значительная часть трудоспособного населения. В Читинской области (нынешнем Забайкальском крае) и Амурской области главной отраслью экономики стала «челночная» торговля с Китаем, осуществлявшаяся через Забайкальск и Благовещенск соответственно. Основным фактором развития Востока, как и в дореволюционное время, становится транспортно-географическое положение.

В первые годы XXI в. новые особенности развития Востока осознаются на уровне государства и крупных корпораций. Начинается реализация крупных проектов, призванных усилить транспортно-экономические связи России с государствами Вос-

точной Азии. Но одновременно с этим государство, действуя в интересах крупного бизнеса, начинает бороться со «стихийной» внешнеторговой деятельностью, вводя запретительные пошлины на ввоз подержанных автомобилей и усиливая ограничения на ввоз товаров при пересечении границы. Однако значение транспортно-географического фактора при этом не снижается, а растёт, и экономическая эффективность восточных регионов существенно выше, чем северных, но эта эффективность снижается с запада на восток. Так, на долю Новосибирской области приходится 1,1 % стоимости основных производственных фондов, но при этом область производит 1,6 % валового внутреннего продукта России. Доля Приморского края в стоимости основных производственных фондов — 1,7 %, а доля в производстве ВРП — 1,1 %.

Освоение Востока на разных этапах его развития определялось как процессами самоорганизации, так и процессами организации. Но и в том, и в другом случае отдача от восточных регионов в целом была выше, чем вложения в них же. Вследствие этого именно Восток является наиболее перспективным с экономической точки зрения «мегарегионом» страны, способным обеспечить её дальнейшее экономическое развитие.

Север и в значительной мере Восток нынешней России имеют одно общее свойство — здесь очень простая пространственная структура общества, которая очень слабо «отягощена» никакими факторами, кроме политических и экономических. Север полностью, а Восток большей частью, нынешняя Российская Федерация унаследовала от Советского Союза. Север полностью перешёл к России от СССР, но часть Востока отошла к Казахстану.

Юг и Запад в этом отношении существенно отличаются. Эти мегарегионы представляют лишь части намного более обширных пространственных структур, сформировавшихся во времена Империи и Союза. Значительная часть этих структур находится за пределами современной России, и возможность нашего государства воздействовать на их развитие сильно ограничена.

Российский мегарегион Юг фактически продолжается в пределы современной Украины, включая её «степную» часть вплоть до Одессы, и в Закавказье вплоть до границы с Турцией и Ираном. Это регион, сформировался на основе местных месторождений полезных ископаемых на рубеже XIX–XX вв., и тогда его значение было исключительно велико не только для России, но и для всего мира.

На протяжении последних советских десятилетий с выработкой этих месторождений значение региона всё более сокращалось, и его развитие шло по пути «рурализации» социальной, экономической, политической жизни. «Интернациональные» города Юга Империи и впоследствии СССР приобретали всё более моноэтнический характер. Этот процесс начался в тогда ещё советском Закавказье, где первой практически моноэтнической республикой стала Армения. Далее этот процесс перекинулся в Грузию, Азербайджан, российские автономии Северного Кавказа. Сейчас он явно продолжается на Украине. «Рурализация» одним из основных последствий имела рост межэтнических столкновений по разным поводам, в т. ч. и вымышленным.

Усиление конфликтности региона связано с тем, что восстановления его промышленного значения ожидать не приходится. Запасы природных ресурсов исчерпаны. И если в советское время для поддержания потерявшего местные источники сырья деятельности завода «Электроцинк» во Владикавказе (тогдашнем Орджоникидзе) возили свинцово-цинковый концентрат из Дальнегорска Приморского края морским путём, то в постсоветское время эти поставки прекратились в силу их полной эко-

номической бессмысленности. Эксплуатация марганцевых месторождений грузинской Чиатуры, когда-то — одного из главных поставщиков марганца для советской промышленности, прекращена. Баку было одним из главных поставщиков нефти и нефтепродуктов не только для Российской Империи и СССР, но и для большей части зарубежной Европы. Ныне добыча нефти на Апшеронском полуострове и прилегающих акваториях Каспийского моря имеет значение только для самого Азербайджана, являясь основой его экономики. Батуми, возникший как главный нефтяной порт Чёрного моря, ныне развивается как город-курорт. Если для первой половины XX в. был характерен приток населения на Юг, то с 50-х гг. он сменяется оттоком, особенно усилившимся в постсоветское время.

Наиболее вероятное направление будущего развития Юга — использование его природных условий, во-первых, для увеличения производства сельскохозяйственной продукции, и во-вторых, с туристскими и рекреационными целями. Но в реализации и того, и другого направления российскому Югу придётся столкнуться с ожесточённой конкуренцией со стороны других государств мира. Ни один из видов продукции сельского хозяйства, производимых здесь, не уникален. Производство же уникальных видов продукции, например, чая в Краснодарском крае, значительно сократилось за постсоветское время. При этом Турция, переняв в своё время технологии чайного производства с российского Кавказа (слово «чай» в российском и турецком языке звучит одинаково), продолжает производить его в больших количествах на своём черноморском побережье.

Туристское значение Юга, пожалуй, превосходит рекреационное и определяется наличием в его пределах гор Крыма и Кавказа — очень интересных и сравнительно легко доступных гор, своеобразного российского «аналога» европейских Альп. Рекреационные функции определяются выходом к побережьям Чёрного, Азовского и Каспийского морей. Здесь находятся главные рекреационные районы России — Южный берег Крыма и Черноморское побережье Кавказа. Но эти районы имеют значение главным образом для России. В зарубежной Европе и Турции сотни и даже тысячи километров курортных побережий Средиземного моря, по климатическим условиям не уступающим Крыму и Кавказу, а в отношении природных и антропогенных красот значительно их превосходящим.

Тем не менее Юг, где «воткни палку — вырастет дерево», является наиболее динамичным из четырёх мегарегионов России. Здесь прослеживается наилучшая динамика роста ВВП, обеспечиваемая главным образом потребительскими отраслями экономики. При этом, естественно, повышается экономическая эффективность региона, определяемая как отношение долей в стоимости основных фондов и в производстве валового внутреннего продукта. Так, доля Краснодарского края в производстве ВВП выросла с 2005 до 2016 г. с 2,1 до 2,9 %, а его же доля в стоимости основных фондов с 2,6 до 3,0 %. Доля Ростовской области в стоимости основных ВВП выросла с 2005 до 2016 г. с 1,5 до 1,8 %, Дагестана — с 0,5 до 0,9 % при росте доле Дагестана в стоимости основных фондов с 0,8 до 0,9 %.

Как это не покажется странным, именно Юг представляет собой «новую надежду» России. Освоение Севера, как это показано выше, определяется только и исключительно желанием государства его осваивать, к самостоятельному развитию северные регионы неспособны. Иссякает «государственный интерес» — северные регионы тут же приходят в запустение. Восток более способен к развитию, чем Се-

вер, но это развитие определяется уровнем участия России в системе международных транспортно-экономических связей. Запад, о котором пойдёт речь ниже, в своём нынешнем виде существует благодаря крупнейшим и крупным городам Восточно-Европейской равнины, большая же часть его территории всё более и более запустевает. И только Юг самодостаточен.

Территория Юга на протяжении своей невероятно долгой в сравнении с остальной Россией истории входила в состав самых разных государственных образований, начиная от Римской империи и древней Персии, пережила множество трансформаций — этнических, религиозных, экономических и т. д., и каждый раз самоорганизовывалась и самовосстанавливалась на новой основе. Примерно это происходит и сейчас. Но следует осознавать, что экономически российский Юг может развиваться лишь «в связке» с территориями, входившими в состав советского Юга.

Запад — это большая часть Европейской России. Так же, как и Юг, Запад простирается далеко за пределы нынешней Российской Федерации, включая в свой состав север Украины, Белоруссию и Прибалтику. Если рассматривать Запад в таких границах, то он действительно становится «Центром», как его принято именовать. Основными факторами, сформировавшим этот регион, был инфраструктурный и коммуникационный.

Эта территория, через которую осуществлялось и осуществляется взаимодействие между Россией и Европой, взаимодействие самое разнообразное. Сюда в первую очередь приходили «новые веяния» из Европы — здесь возникли первые промышленные предприятия европейского типа, типографии, учебные заведения, морские порты, шоссе и железные дороги, армия и флот. Здесь строились соборы, крепости и дворцы по итальянским, французским, британским образцам. Здесь же Россия обычно воевала с Европой, и эти войны определяли значение российского государства в мировой политике.

Войны, которые Россия вела в Азии, никогда не имели такого значения, как войны в Европе, хотя их военные и политические результаты зачастую были более значимыми. Так, каждый российский школьник знает про «переход Суворова через Альпы» — гениальную в военном отношении операцию, не давшую России вообще ничего. Но почти никто ничего не знает о подвигах русских солдат, матросов, офицеров, генералов и адмиралов, завоевавших для России громадные владения в Закавказье, Средней Азии и на Дальнем Востоке. Для Европы Россия всегда воспринималась как «задний двор», глубокая провинция. Но для России Европа всегда была образцом для подражания и «верховным судьёй» в общественных, политических, культурных вопросах.

Действие коммуникационного фактора, сформировавшего пространственную структуру общества современного Запада, продолжается и сейчас. Именно поэтому в экономическом отношении к нему и можно относить по сей день север Украины, Белоруссию и Украину — их экономическое благополучие определяется транзитными путями между Россией и государствами Евросоюза. Но это один из примеров того, что экономические связи не определяют политические и не определяются ими. Трудно найти более последовательных и упорных противников России, чем государства Прибалтики. Современные события на Украине, начавшиеся в 2014 г., общеизвестны. В Белоруссии происходят сложные и скрытые от внешних наблюдателей внутривнутриполитические процессы, результаты которых для России также не всегда благоприятны.

Коммуникационным характером развития определяется и гипертрофированное развитие главных городов Запада России, Москвы и С.-Петербурга. Общая численность населения Москвы и Московской области составляет около 20 млн чел., С.-Петербурга и Ленинградской области — примерно 7 млн чел. Для Москвы на протяжении всего XX — начала XXI в. был в целом характерен рост численности населения, в С.-Петербурге — Ленинграде дважды на протяжении XX в. происходили катастрофические, примерно в три раза, сокращения численности населения — во время Гражданской и Великой Отечественной войн. Вследствие этого численность населения Москвы ныне примерно вдесятеро выше, чем в начале XX в., а С.-Петербурга — примерно в два с половиной раза. Тот С.-Петербург, который существовал во времена Империи, «выгорел в огне» революции 1917 г.

Всё, что происходило в нашей стране после марта 1918 г., когда правительство большевиков бежало в Москву, связано только с «Первопрестольной». Москва по-прежнему является фактической столицей не только России, но и всего бывшего Союза, за исключением, возможно, Прибалтики, хотя и там культурное, социальное и даже политическое воздействие Москвы очень велико. Разговоры о переносе столицы в силу её «перенаселённости» имеют смысл только как разговоры. Только один город может быть столицей России, и это Москва. «Петербургский» этап российской истории, невзирая на весь внешний блеск «петербургской империи», закончился революцией 1917 г. и полным исчезновением той России, для которой С.-Петербург был столицей.

Забавными выглядят рассуждения о том, что столицу надо переносить в Новосибирск, потому что он, дескать, находится «в середине страны». Новосибирск, как и любой другой сибирский город, представляет собой «столицу пустоты» — на относительно небольшом расстоянии от него находятся совершенно незаселённые территории. Предложения же распределить федеральные министерства и ведомства по всей территории страны при формальном сохранении Москвой статуса столицы [2] интересны на бумаге, но совершенно нереализуемы. С помощью математических методов доказывается, что столицу надо переносить к востоку от страны, а ближе всего к экономическому центру тяжести России находится г. Бугульма в Татарстане [1]. Эти занятые расчёты показывают лишь одно: применять математические методы можно далеко не всегда и не везде, иногда получаемые с их помощью результаты ничего общего с реальной жизнью не имеют.

Обитатель «постсоветского пространства», желающий преуспеть в жизни, неизбежно будет строить свой жизненный путь через Москву. Москва даёт самый широкий выбор возможностей «приложения себя» из всех городов бывшего Союза. И Запад развивается главным образом благодаря воздействию Москвы. Да, столица забирает значительную часть ресурсов России, но отдаёт она больше, чем получает. Можно сравнить Москву с большой русской печью, у которой «греется» большая часть Европейской России.

Сельская местность, малые, а сейчас уже и некоторые средние города находятся в устойчивом состоянии деградации. Неоднократные попытки остановить эту деградацию не привели ни к чему, потому что основывались на экономических подходах и расчётах — дескать, чтобы люди не уезжали, нужны только деньги для создания новой инфраструктуры. Надо строить новые предприятия и дороги, и люди перестанут ехать «искать счастья» в больших городах. И предприятия строились, и дороги

прокладывались, и ни к чему положительному это не привело. Люди действительно перестали уезжать, потому что ехать стало некому — все, кто хотел и мог уехать, уже уехали. Сельская местность и малые города начали просто вымирать, невзирая на новые заводы и новые дороги.

С экономико-географической точки зрения деградация большей части Запада России легко объяснима. Она связана с тем, что с развитием новых технологий резко снизилась востребованность экономической деятельности в её пределах, и восстановить эту эффективность в пределах прогнозируемого будущего не представляется возможным.

Чтобы стало понятнее, можно привести пример молочного хозяйства севера Псковской области. До 60–70-х гг. эффективность этого хозяйства была очень высокой. Молочно-товарные фермы работали бесперебойно, производя большое количество продукции и ежедневно отправляя её в Ленинград. Ранним утром ходили даже специальные «молочные» поезда, которыми молоко доставлялось в «северную столицу». Но с 60–70-х гг. получили массовое распространение бытовые холодильники. Появилась возможность сохранять молоко и молочные продукты свежими на протяжении длительного времени, исчезла необходимость в их ежедневной доставке. С середины 70-х гг. исчезают «молочницы», занимавшиеся доставкой молока по квартирам. Соответственно снижается потребность в «пригородном» молочном хозяйстве, молоко становится возможным производить там, где для этого есть наиболее подходящие климатические условия, а к территориям с благоприятным для сельского хозяйства климатом ни Псковская область, ни Северо-Запад России в целом не относятся. До тех пор, пока не будут ликвидированы все бытовые холодильники, ожидать восстановления в прежних объёмах молочного производства на севере Псковской области не стоит. А других отраслей сельского хозяйства, которые имели бы существенное экономическое значение, здесь просто нет.

Но при этом в экономическом отношении Запад относительно устойчив. Характерной особенностью последних лет стало снижение значения Москвы. Если в 2005 г. на столицу приходилось 22,5 % ВВП России, то в 2016 г. 20,6 %, при этом на её долю приходится почти 20 % основных производственных фондов государства, и доля Москвы в стоимости основных фондов растёт. Устойчиво повышается экономическая эффективность С.-Петербурга — доля города в ВВП России в 2005–2016 гг. выросла с 3,7 до 5,4 % при росте его же доли в стоимости основных фондов с 2,7 до 3,6 %. Растёт значение и некоторых других субъектов Федерации, например, Белгородской области, доля которой в ВВП России выросла с 0,8 до 1,1 % при росте её же доли в стоимости основных фондов с 0,7 до 0,8 %. Во многих субъектах Федерации нет ни роста, ни сокращения доли в ВВП. К числу таковых относится Псковская область, доля которой в производстве ВВП в 2005–2016 гг. не менялась и составила 0,3 % при сокращении доли в стоимости основных фондов с 0,3 до 0,2 %.

Как это не покажется странным, экономическая эффективность даже самых бедных западных регионов России выше, чем северных, хотя обычно ситуация полагается обратной — Россия, дескать, живёт за счёт «валютной выручки», которую даёт Север. Но те деньги, которые приходят с Севера, туда же и уходят. Если рухнет Север, Россия это переживёт. Если рухнет Запад, Россия рухнет вместе с ним. Запад объединяет остальные мегарегионы в единое целое. Это единственный мегарегион, который граничит со всем остальными. Именно отсюда началось больше тысячи лет

назад «расширение пределов» Русского государства. В XX в. расширение прекратилось, и в конце прошлого века границы вернулись к средневековому состоянию.

В последние десятилетия сокращение освоенных территорий происходит не из-за внешних врагов, а определяется внутренними процессами. Одним из таких процессов является всё большее усиление «антисистемы», основанное на отрицании традиционных для общества и государства принципов. Формально эта антисистема не имеет какого-либо политического или общественного характера. Более того, она не является единой, управляемой из общего центра или имеющей какую-либо чёткую структуру. Но от этого «антисистемность» не становится менее опасной. В её основе лежит «воровская» идеология, превозносящая «криминальные» ценности. Формально такой идеологии нет, реально она существует на протяжении многих десятилетий (во всяком случае, с 20-х гг. XX в.), и основывается на противопоставлении «воровского» мира и мира «обычных» людей [6].

Главными героями «воровского мира» являются «воры в законе», сознательно строящие свою жизнь на полном отрицании общественных ценностей. Псевдо-романтичность образу «вора в законе» придаёт то обстоятельство, что совершает преступления не для наживы, а ради идеи — «вор в законе» в принципе не может иметь сбережений, дома, имущества, семьи. При этом есть ряд преступлений, которые для «вора в законе» невозможны — это хулиганство, изнасилования, детоубийство. Работу или службу государству, в т. ч. военную, «воровская идея» отвергает. Отвергается также членство в любых политических и общественных структурах. Правда, современные «воры в законе» отходят от прежних принципов, но это способствует лишь усилению их позиций в современном обществе. «Криминал ради идеи» понятен широким массам гораздо меньше, чем «криминал ради наживы».

К сожалению, социально-экономическая география редко занимается такими проблемами, а если занимается, то это в основном исследования «по сводкам МВД» — учитывается количество преступлений, их структура, раскрываемость и подобные «полицейские» показатели. Между тем проблема «криминализации» страны гораздо глубже и серьёзнее этих сводок [5].

Под воздействие «воровской» идеологии попадают уже целые регионы. Это в основном «бедные» регионы со сложной социально-экономической ситуацией, в которых имеется большое количество мест заключения, в просторечии «зон». Крупные города и «богатые» регионы в криминальном отношении находятся под контролем «бандитов». «Бандиты» не имеют никакой собственной идеологии, их идея предельно проста — деньги и власть любой ценой. «Бандиты» ориентированы на признание в «обычном» мире, и в отличие от «воров», совершенно не склонны проявлять криминальную сущность вне своего специфического круга общения. В отличие от «воров», «бандиты» не только всячески проявляют свою лояльность государству, но и состоят на государственной службе в любых структурах, включая органы правопорядка, что для «вора» невозможно.

Своё отношение к государству и обществу «воровские» и «бандитские» регионы явно проявляют на выборах разного уровня. В «воровских» регионах выборы, как и всё, связанное с деятельностью государства, «отрицается», соответственно «воровские» регионы дают наименьшую явку избирателей. В «бандитских», напротив, явка всегда «на уровне», как и итоги голосования. Постоянно идущая борьба между

«ворами» и «бандитами» приводит к тому, что «криминальная власть» в регионах переходит от одних к другим. Так, Новгородская область в 90-е гг. — первые годы XXI в., по всей видимости, была «бандитским» регионом, сейчас же, насколько можно судить по разрозненным и неполным данным в открытых источниках, перешла в статус «воровских».

Особая проблема — это молодёжная преступность, свойственная большим городам. Для Европы и США «уличные банды», поделившие города и даже страны на «сферы влияния», давно стали обыденностью, постепенно те же процессы происходят и в России. «Уличные банды» — это не «воры» и не «бандиты». Совершаемые ими преступления относятся в основном к числу «позорных» для «воров» — избиения случайных прохожих, убийства из хулиганских побуждений, изнасилования и т. д. Эти преступления часто не имеют никакой «корыстной» составляющей, что характерно для бандитов. В то же время «уличные банды» отрицают ценности «традиционного» общества и «зарабатывают» путём продажи наркотиков и прочих запрещённых видов деятельности. Но их влияние на процессы общественно-политического развития нельзя недооценивать. «Молодёжные банды» играли ведущую роль во всех конфликтах на территории бывшего Союза ССР с начала 90-х гг. Среди активных участников киевского «Майдана» 2014 г. и последующих событий (массовое убийство в Доме профсоюзов в Одессе, 2-е мая 2014 г.) большинство являлось членами таких банд. Именно они проявили себя в качестве основной разрушительной силы прежней Украины.

Все три составляющие «криминальной антисистемы», — «воры», «бандиты» и «молодёжные банды», — опасны для дальнейшего развития общества прежде всего тем, что они разрушают сложившиеся общественные структуры, в т. ч. и пространственные, находясь внутри этих структур. Внешне разрушение может незаметно до тех пор, пока не станет слишком поздно. В результате относительно упорядоченное развитие общества становится хаотичным, и общественный прогресс сменяется регрессом полностью или частично. В истории человечества нечто подобное происходило неоднократно, и многим государствам и народам не удавалось не что выйти на прежний уровень развития, но даже приблизиться к нему. Как будут развиваться события в нынешней России, покажет лишь время.

Выводы

1. Экономика является лишь одним из направлений развития общества, в т. ч. и пространственного. Остальные направления могут развиваться в связи с экономикой, а могут и совершенно независимо от неё.

2. «Универсальных» закономерностей общественного развития не существует. Не существует также «универсальных» концепций, с помощью которых можно объяснить всё на свете существующее. Соответственно, нет единых мер и методов, с помощью которых можно решать любые проблемы.

3. Регионы России развиваются под воздействием совершенно различных факторов и условий. Возможности воздействовать на процессы пространственного развития крайне ограничена — с тем же успехом можно воздействовать на процессы формирования рельефа. Понятие «межрегиональной конкуренции» лишено смысла

и вообще не должно использоваться — части единого государства не могут быть конкурентами также, как не могут соперничать друг с другом природные зоны и физико-географические страны.

4. Пространственные интересы государства и общества в современной России значительно расходятся. Для государства наиболее важными являются регионы, значимые с точки зрения политики и экономики (Север и Восток), для общества — социальной среды и природных условий (Запад и Юг).

5. «Системные» факторы, определяющие процессы регионального развития, сталкиваются с «антисистемными», которые трудно улавливаются традиционными для социально-экономической географии методами исследования. В целом возрастает хаотичность процессов общественного развития в целом и пространственного развития в частности.

Литература

1. *Большаник П. В., Бикмеев Г. Г.* Определение центра тяжести экономики России // Вестник ЮГУ. 2015. № 38. [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-tsentra-tyazhesti-ekonomiki-rossii> (дата обращения: 10.07.2018).
2. *Винокуров М. А.* Модернизация федеральной структуры управления России: постановка вопроса // Известия БГУ. 2011. № 2. [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-federalnoy-struktury-upravleniya-rossii-postanovka-voprosa> (дата обращения: 10.07.2018).
3. *Дмитриева Е. А., Кураков А. Л.* Региональные аспекты социально-экономического развития России // Вестник ЧГУ. 2007. № 4. [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-aspekty-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-rossii> (дата обращения: 10.07.2018).
4. *Дружинин А. Г.* Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.
5. *Клеймёнов И. М.* Криминализация общественных отношений // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2013. № 3 (36). [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalizatsiya-obshchestvennyh-otnosheniy> (дата обращения: 10.07.2018).
6. *Корнекова С. Ю., Мартынов В. Л., Файбусович Э. Л.* Новые направления в общественно-географических науках. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017.
7. *Мартынов В. Л.* Российская социально-экономическая география: современное состояние, основные проблемы и перспективы развития // Балт. рег. 2015. № 2. [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-sotsialno-ekonomicheskaya-geografiya-sovremennoe-sostoyanie-osnovnye-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 10.07.2018).
8. *Мартынов В. Л.* Четыре стороны России // География. 2006. № 13.
9. *Меньщикова В. И.* Вектор экономического развития региона и повышения его конкурентоспособности // Вестник ТГУ. 2009. № 7. [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vektor-ekonomicheskogo-razvitiya-regiona-i-povysheniya-ego-konkurentosposobnosti> (дата обращения: 10.07.2018).
10. Регионы России. Социально-экономические показатели — 2017 г. [Электронный ресурс]: URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (дата обращения: 10.07.2018).
11. *Umut Yilmaz Çetinkaya, Erkan Erdil.* Cohesion and Competition of Europe: Innovation Policy from the Perspective of Networks and Entropy // Форсайт. 2016. № 4 (eng). [Электронный ресурс]: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/cohesion-and-competition-of-europe-innovation-policy-from-the-perspective-of-networks-and-entropy> (дата обращения: 10.07.2018).

Об авторе

Мартынов Василий Львович — доктор географических наук, профессор кафедры экономической географии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, С.-Петербург, Россия.

E-mail: martin-vas@yandex.ru

V. Martynov

**“FOUR CORNERS OF RUSSIA”: MAIN TENDENCIES
OF MACROREGIONAL DEVELOPMENT**

The problem of uneven spatial development of Russia is one of the main problems of the Russian socio-economic geography. Unevenness is considered most often in the subjects of the Federation, but it makes sense to study it at the level of macroregions. It is proposed to allocate four macroregions — North, East, South and West. The development of each macroregion is determined by different conditions and factors. The development of the North is meaningless from an economic point of view, but justified from a political point of view. The movement to the East is justified mainly from an economic point of view. The South of Russia is part of a larger macroregion formed in Soviet times, and includes the Transcaucasus and southern Ukraine. The region is characterized by the “ruralization” of the economy and lifestyle, which began in the last Soviet decades. The development of the West is mainly determined by the social infrastructure developed over the centuries. This development takes place under the influence of Moscow, which retains the status of the actual “capital” of the entire post-Soviet space. “Systemic” factors and conditions of socio-economic development are complicated by the action of “anti-system”, the effect of which has not been sufficiently studied. “Anti-system” is associated with the actions of criminal structures, the importance of which in the development of the country can not be underestimated.

Key words: socio-economic geography, megaregions, spatial priorities, inter-regional competition, interaction of regions.

About the author

Prof. **Vasili Martynov**, Department of Economic Geography, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia.

E-mail: martin-vas@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.07.2018 г.